
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 342.7

DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(4).5-11

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ КАК НОВЫЙ ПРИНЦИП В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

П.А. Астафичев

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

28 августа 2020 г.

Дата принятия в печать –

16 ноября 2020 г.

Дата онлайн-размещения –

30 декабря 2020 г.

Ключевые слова

Историческая правда, конституционализм, права человека, идеологическое многообразие, плюрализм, конституционные принципы

Исследуется содержание конституционной поправки от 2020 г. о необходимости обеспечения защиты исторической правды. Автор доказывает, что «историческая правда» в конституционно-правовом значении – это цель объективно и добросовестно настроенного исследователя, гарантируемая в свободном демократическом обществе конституционным правом на свободу мысли, научного творчества и выражения мнения. Отмечается, что целеполагание в познании – вопрос мыслительной деятельности, с трудом поддающийся демократическому контролю государства и права; с нормативной точки зрения здесь, в лучшем случае, просматривается нравственный аспект (поиск исторической правды есть добродетель, ее искажение – порок). Государственно-правовое воздействие в этой сфере затруднительно и влечет за собой риски появления юридически обязательной идеологии, что запрещено главой первой «Основы конституционного строя» Конституции РФ (ч. 2 ст. 13) и действующими актами Конституционного Суда РФ.

ENSURING THE PROTECTION OF HISTORICAL TRUTH AS A NEW PRINCIPLE OF CONTEMPORARY RUSSIAN CONSTITUTIONAL LAW

Pavel A. Astafichev

St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2020 August 28

Accepted –

2020 November 16

Available online –

2020 December 30

Keywords

Historical truth, constitutionalism, human rights, ideological diversity, pluralism, constitutional principles

The subject of the article is the content of the constitutional amendment of 2020 on the need to ensure the protection of historical truth.

The purpose of the research is confirmation or confutation of the hypothesis that protection of historical truth should not be provided by measures of constitutional and legal regulation, since this would conflict with other constitutional principles.

The methodology of research includes analysis of academic researches concerning the essence of historical truth, interpretation of Russian Constitution.

The main results, scope of application. The author proves that "historical truth" in the constitutional and legal sense is the goal of an objectively and conscientiously minded researcher, guaranteed in a free democratic society by the constitutional right to freedom of thought, scientific creativity and expression. Goal-setting in cognition is a matter of mental activity that is difficult for the democratic control of the state and law. From a normative point of view the moral aspect exists here only (the search for historical truth is a virtue, its distortion is a vice). Constitutional democracy is based on the will and needs of today's generation of people. The past, of course, has a certain significance, but it cannot be considered decisive. An excessive preoccupation with traditions and the historical past is fraught with stagnation, stagnation or even degradation of the state mechanism. Constitutional regulation of historical truth leads to unnecessary sacralization of the history of the state, which is profoundly alien to the true legal essence of the constitutional system of a modern democratic society and the objectivity of historical and legal science. State-legal influence in this area is difficult and entails risks of legally binding ideology, which is prohibited by the first chapter of the "Fundamentals of the constitutional order" of the Constitution of the Russian Federation (part 2 of article 13) and the current acts of the Russian Constitutional Court.

Conclusions. The legal obligation to "ensure the protection of historical truth" deserves a critical assessment, since it is difficult to combine with the constitutional rights to freedom of scientific creativity, freedom of thought and speech, the principle of ideological diversity and the democratic nature of the Russian state. The right of citizens to their own position on historical issues and search for their "historical truth" followed from the constitutional regulation before the constitutional amendments of 2020 and continues to operate today due to the immutability of chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation.

1. Введение

Конституционные поправки 2020 года внесли немало нового в процесс государственного строительства России, не ограничиваясь (как, возможно, задумывалось первоначально) новациями в области исчисления сроков президентских полномочий и разграничения компетенции между высшими государственными органами. Кроме конструктивных и весьма полезных для общества конституционно-правовых идей (мы не имеем в виду все из них, но многие), вследствие ряда причин, в конституционный текст «просочились» некоторые правовые установления, которые с трудом можно назвать конструктивными и полезными. В их числе, на наш взгляд, новый принцип «обеспечения защиты исторической правды». Приобретение данным принципом юридической силы конституционного установления (ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ), подкрепленной авторитетом всенародного голосования, в некоторой степени, затрудняет его критическое научное осмысление. Однако это, по нашему мнению, не должно сдерживать конституционно-правовую науку от свободного от идеологических предрассудков и, в то же время, аргументированного и ответственного обсуждения. В связи с этим правомерно поставить для теоретической дискуссии следующую группу взаимосвязанных конституционно-правовых вопросов: существует ли «историческая правда»? Нуждается ли она в «защите»? И каким образом в демократическом обществе должна «обеспечиваться» ее защита?

2. Что такое «историческая правда», и существует ли она объективно?

Понятие «правды» и ее смысл – одна из ключевых социально-философских проблем, над разрешением которой «билось» не одно поколение цивилизованного человечества. В сущности, это системообразующий вопрос в юридической теории, законодательстве и правоприменительной практике: поиск «правды» в нормативном выражении – это то, к чему вообще стремятся позитивно настроенные юристы-теоретики и правоведа-практики. В данном контек-

сте «правда» – это то же, что и «право» (в объективном смысле) и «справедливость». К достижению правды, права и справедливости нужно стремиться, иногда можно приблизиться и даже, в определенной степени, ненадолго достигнуть, но объявлять что-либо безусловной «правдой» было бы весьма опрометчиво со стороны критически настроенного к себе деятеля и, вообще, мыслящего индивида. Русскоязычный термин «правда» имеет еще одно значение – противоположность «лжи». Это вопрос об истине, достоверности фактов, исключении мистики и вымыслов.

Понятие «исторической правды» применительно к данной проблематике дополняет ретроспективный аспект. Прошлое уже случилось, изменить его мы не способны. Но оно может дифференцированно *оцениваться* потомками, в том числе – негативно и позитивно: как то, «что было» и «чего не было»; что было «правильно» и что «неправильно» (см., напр., [1–3]). Полагаем, что контекст ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ предполагает, главным образом, именно такую юридическую интерпретацию: какие-то события прошлого подлежат «позитивной» трактовке современниками, другие – их «негативному» осмыслению. В этом состоит некая «историческая правда», которая якобы должна быть поставлена под защиту государства вследствие требований Конституции РФ. Но существует ли объективно «историческая правда»?

Отрицательному ответу на этот вопрос способствуют, как минимум, следующие два обстоятельства. Во-первых, прошлое забывается. В процессуальной юриспруденции не случайно практикуется институт давности. С течением времени доказательственная база утрачивает актуальное значение и препятствует достоверному установлению правоприменителем юридических фактов. Аналогичным образом выглядит любая другая ретроспективная деятельность, в том числе – научно-познавательная [4; 5]. Во-вторых, прошлое искажается, и в этом нет ничего предосудительного. Даже оценивая лично себя «в прошлом», мы неизбежно преувеличиваем

или приуменьшаем значение событий и фактов, поскольку речь идет, фактически, – о прошлом «в настоящем» [6–8]. Если же объектом современной оценки является прошлая деятельность других людей или, тем более, сообществ, государства и социума в целом, достоверность *в строгом смысле этого слова* становится вообще *недостижимой*.

Следовательно, «историческая правда» в конституционно-правовом значении – это лишь *цель* объективно и добросовестно *настроенного* исследователя, гарантируемая в свободном демократическом обществе *конституционным правом на свободу мысли, научного творчества и выражения мнения*. Целеполагание в познании – вопрос мыслительной деятельности, с трудом поддающийся демократическому контролю государства и права. С нормативной точки зрения здесь, в лучшем случае, просматривается нравственный аспект (поиск исторической правды есть добродетель, ее искажение – порок). Что же касается государственно-правового воздействия, при прочих равных условиях, – оно затруднительно и влечет за собой риски появления юридически обязательной идеологии, что запрещено главой первой «Основы конституционного строя» Конституции РФ (ч. 2 ст. 13).

В связи с этим А.К. Гуц пишет: «Способен ли человек, исследователь, доподлинно восстановить события прошлых эпох? Подлежит ли История различных цивилизаций, т. е. все то, что имело в их прошлом, регистрации на бумаге, при которой перо историка, описав вначале основные контуры, постепенно, не без ошибок, но с их исправлением в будущем, уверенно прорисовывает одну деталь за другой? Одним из самых распространенных в обществе мифов является убежденность, что историческая наука не только способна на это, но и предназначена для такой деятельности. Историк уверен, что внутренне он свободен в осуществлении такой работы. Если ему не будут мешать политики, идеологи, недружественно настроенные коллеги», то «ничто не будет сковывать его погружение в процесс добывания необходимых фактов, документов» [9, с. 4].

3. Должна ли защищаться «историческая правда»?

Нуждается ли «историческая правда» в защите? В некоторой степени, да. Если исследователю препятствуют в доступе к информации, ее свободной интерпретации и доведении до сведения общественности – противоправно нарушаются или правомерно ограничиваются конституционные права на информацию, свободу мысли и слова. Информация

о государстве не может быть совершенно общедоступной. Иное нарушало бы режим государственной тайны, препятствовало общепризнанным мировым сообществом гарантиям национальной безопасности каждой из стран-участниц международного взаимодействия. Установление правомерности или противоправности соответствующих законодательных ограничений в демократическом обществе составляет компетенцию конституционного правосудия, будь оно специализированным в виде организационно обособленного конституционного суда или относящимся к сфере деятельности судов общей юрисдикции.

Вправе ли государство в лице его уполномоченных органов притязать на установление «исторической правды»? При кажущейся очевидности отрицательного ответа на поставленный вопрос, по крайней мере, в конституционно-правовом измерении, нетрудно заметить, что российское государство практически всегда это делало, причем стремилось придать этому именно *государственно-правовой* характер. Киевская Русь, татаро-монгольское иго, Московское царство, императорско-петровский период, советская Россия и современное общество никогда не отличались гармоничной государственно-методологической преемственностью. Скорее напротив – это были совершенно разные России, которые относились с явной непримиримостью к своему прошлому. Вслед за этим каждая из вышеназванных «Россий» вырабатывала свою идеологически ориентированную «историческую правду», основной смысл которой сводился к *принижению достижений предыдущих правителей и адекватному возвышению величия действующей власти*.

В связи с этим выглядит довольно спорным установление ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ об «объединении тысячелетней историей», «сохранении памяти предков» и, особенно, «преемственности в развитии Российского государства». Россия как государство, действительно, объединена более чем тысячелетней историей, но ее исторический генезис был весьма дискретным. Можно ли при такой степени «прерывности» (Киевская Русь, татаро-монгольское иго, Московское царство, императорско-петровский период, советская Россия и современное общество) требовать на конституционном уровне признания «преемственности» в развитии, тогда как дискретность была едва ли не главной особенностью отечественной политической истории? Иначе говоря, наше поколение конституционно обязывается быть «преемственным, уважая волю предков», в то время

как сегодня исторически точно известно, что многие наши предки преемственность вовсе не ценили и предпочитали путь дискретного развития, отрицающий историческую преемственность и уважение воли их предков. Должны ли мы почитать гипотетическую позицию прежних поколений, если они волю своих предшественников ценили совсем *не так, как нам сегодня хотелось бы* вследствие конституционных установлений 2020 года? Все это, в конечном итоге, ведет к *ненужной сакрализации истории государства*, глубоко чуждой подлинной юридической сущности конституционного строя современного демократического общества и объективности историко-правовой науки.

Конституционная демократия базируется на воле и потребностях сегодняшнего поколения людей. Прошлое, конечно, имеет определенное значение, но оно не может считаться решающим. Общество меняется и, вслед за этим, должны корректировать свою позицию правящие политические силы, представляющие интересы электората вследствие очередных выборов. В период горбачевской «перестройки» россияне жаждали единения с мировым сообществом с той же ортодоксальностью, с какой они сегодня предпочитают национальную идентичность и патриотизм в государственном строительстве. Аналогичным образом меняются и другие предпочтения избирательного корпуса, что должно сопровождаться гибкой государственной политикой. Чрезмерная увлеченность традициями и историческим прошлым чревата стагнацией, застоєм или даже деградацией государственного механизма.

4. Содержание конституционно-правового обеспечения защиты исторической правды

Часть 3 ст. 67.1 Конституции РФ упоминает о необходимости «обеспечения защиты исторической правды» в контексте двух близких по смыслу установлений: обязанности «читать память защитников Отечества» и не допускать «умаления значения подвига народа при защите Отечества». Означает ли это, что «обеспечение защиты исторической правды» сводится, главным образом, к *военно-исторической тематике*? Более того, анализ литературы по этому поводу показывает, что значительное число авторов вообще понимают «историческую правду» только как «правду о Великой Отечественной войне». Так, В.А. Борисов и С.С. Синютин пишут: «Кампания фальсификации итогов войны была развернута на Западе, прежде всего усилиями США, сразу после окончания Второй мировой войны. Ее основными направлениями были: стремление воз-

ложить ответственность за развязывание войны в равной степени как на гитлеровскую Германию, так и на Советский Союз; принижение решающей роли Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгроме фашистской Германии; преувеличение потерь Красной Армии, как в отдельных сражениях, так и в Великой Отечественной войне в целом; обвинение советских полководцев и военачальников в бездарности и слабой профессиональной подготовке; отрицание освободительной миссии Советской Армии, спасшей многие народы Европы от фашистского рабства. И эти направления клеветы и фальсификации сохранились до настоящего времени, приобретая лишь более кощунственный и изощренный характер» [10, с. 155].

И.М. Бояршинова (в некоторой степени оппонируя предыдущим авторам) считает, что «в период существования СССР попытки «подправить» историю были крайне незначительными и не ставили под сомнение оценки причин и характера Второй мировой войны, в том числе общих для союзников по антигитлеровской коалиции задач в войне и итогов совместной победы. Иная ситуация сложилась с конца 1980-х годов, когда началась эскалация ревизии исторической памяти. При этом предметом столкновения в информационном противостоянии оказались инициаторы и виновники войны, характер войны для разных сторон, ход войны, вклад ее участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, понимание того, кто являлся победителем, да и была ли сама Победа, и многое другое» [11, с. 28].

Судя по приведенным источникам логично предположить, что пропагандистская машина ряда зарубежных стран действительно стремится к пересмотру сложившейся исторической трактовки некоторых событий Второй мировой войны, что не всегда и не во всем соответствует геополитическим интересам современной России. Однако означает ли это, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ юридически обязывает российских граждан непременно включиться в это информационное противоборство, причем именно «на стороне» российских интересов? Свобода научного творчества (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ), свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ) предполагают, как минимум, право гражданина воздержаться от участия в подобной дискуссии, не говоря уже о праве индивида на самостоятельную оценку исторических фактов так, как он считает нужным, без какого-либо юридически обязательного предписания извне. Такова правовая суть конститу-

ционной свободы достойного человека, проживающего в демократической стране и поддерживающей ценности правового государства. Противоборство пропагандистских машин может осуществляться на основе добровольного, внеконституционного объединения соответствующих идеологов, но не вследствие юридической обязанности граждан на историко-правовую позицию в отношении итогов тех или иных политических событий прошлого.

Кроме того, ограничительное (если не сказать – усеченное) понимание ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ в контексте оценки лишь результатов Второй мировой войны свойственно далеко не всем авторам. Так, И.Д. Чечель ставит проблему «исторической правды» о сталинизме [12], В.Г. Ольшевский – о величии «Красного Октября» [13], А.В. Нифонтов – об отречении Николая II от престола [14], иные авторы – о различных исторических явлениях [15; 16]. Во всех приведенных случаях авторы заявляют о необходимости установления «исторической правды», что неизбежно подпадает под предписания ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ и расширяет ее нормативный смысл за рамки как Второй мировой войны, так и вообще военно-исторической тематики.

Следовательно, ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, возможно, даже вопреки желаниям и воле ее авторов, приобретает совершенно другое конституционно-правовое значение. Конституционный Суд РФ в Заключении от 16 марта 2020 г. установил, что ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ не нарушает конституционный принцип идеологического многообразия, поскольку она не может толковаться как устанавливающая обязательную и государственную идеологию¹. Но, к сожалению, ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ бук-

вально прочитывается именно как «идеологическая». Заключение Конституционного Суда РФ в юридическом смысле действует в системном единстве с ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, поэтому идеологическое толкование данной нормы будет противоправным. Но в этом случае логично задать следующий вопрос: зачем тогда вообще в правовой системе появилась норма ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ? Если она «идеологическая», то это противоречит главе первой Конституции РФ вследствие правовой позиции Конституционного Суда РФ, если же она «не идеологическая» – то это лишено какого-либо юридического смысла. Можно ли как-либо иначе, чем «идеологически», понять конституционное требование об «обеспечении защиты исторической правды»?

5. Выводы

На основании изложенного считаем возможным сформулировать следующие обобщения и выводы. Часть 3 ст. 67.1 Конституции РФ, установившая юридическую необходимость «обеспечения защиты исторической правды», заслуживает, главным образом, критической оценки в контексте ее соотношения с конституционными правами на свободу научного творчества, свободу мысли и слова, принципом идеологического многообразия и демократическим характером российской государственности. Право граждан на собственную позицию по историческим вопросам и поиск своей «исторической правды», которая не может быть юридически предписана извне в форме государственно обязательных идеологических установлений, следовала из конституционного регулирования, действовавшего до конституционных поправок 2020 г., и продолжает действовать сегодня в силу неизменности глав 1, 2 и 9 Конституции РФ.

¹ Конституционный Суд РФ буквально установил следующее: «Включение данных положений в текст Конституции РФ не может рассматриваться как несовместимое с положениями глав 1 и 2 Конституции РФ, в частности ее статей 1, 13, 14, 28 и 29, поскольку, будучи призванными отразить содержательную направленность и конституционно-правовые условия деятельности органов государственной власти Российской Федерации и в значительной степени – субъектов РФ, предлагаемые нормы носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не могут расцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию, изменяющие принципы плюралистической

демократии и светского характера Российского государства, вводящие какие-либо недопустимые с точки зрения глав 1 и 2 Конституции РФ ограничения прав и свобод человека и гражданина и вмешательство в них» – см.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1–3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
2. Handlin O. Truth in history / O. Handlin. – New Jersey, Transaction Publishers, 1981. – 437 p.
3. Ricoeur P. History and truth / P. Ricoeur. – Evanston: Northwestern University Press, 1965. – 333 p.
4. Behan McCullagh C. The truth of history / C. Behan McCullagh. – L., NY: Routledge, 1998. – 327 p.
5. Ankersmit F. Meaning, Truth, and Reference in Historical Representation / F. Ankersmit. – Ithaca, NY-London: Cornell University Press, 2012. – 280 p.
6. Spence D.P. Narrative Truth and Historical Truth: Meaning and Interpretation in Psychoanalysis / D.P. Spence. – NY: W.W. Norton, 1984. – 320 p.
7. Spitzer A.B. Historical Truth and Lies About the Past: Reflections on Dewey, Dreyfus, de Man, and Reagan / A.B. Spitzer. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1996. – 174 p.
8. Appleby J., Telling the truth about history / J. Appleby, L. Hunt, M. Jacob. – NY: W.W. Norton and Company, 2011. – 336 p.
9. Гуц А.К. Миф о свободе восстановления исторической правды / А.К. Гуц // Математические структуры и моделирование. – 1998. – Вып. 1. – С. 4–12.
10. Борисов В.А. Фальсификация исторической правды в год 70-летия Великой Победы / В.А. Борисов, С.С. Синютин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2015. – № 4. – С. 155–163.
11. Бояршинова И.М. Историческая правда о Второй мировой войне как фактор становления мировоззрения современной молодежи / И.М. Бояршинова // Современные научные исследования и разработки. – 2016. – № 5. – С. 25–30.
12. Чечель И.Д. Заметки об исторической правде. «Сталинизм» / И.Д. Чечель // Горбачевские чтения: Проблемы внешней политики М.С. Горбачева. Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего. – М.: Горбачев-Фонд, 2003. – С. 185–195.
13. Ольшевский В.Г. Повседневность как критерий полноты исторической правды: к оценке величия «Красного Октября» по Гамбургскому счету / В.Г. Ольшевский // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 6. – С. 609–627.
14. Нифонтов А.В. Отречение Императора Николая II: от мифологии к исторической правде или новым мифам / А.В. Нифонтов // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности. – Кострома: Изд-во Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2009. – С. 317–328.
15. тыкалин А.С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе / А. Тыкалин. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – 720 с.
16. Бамухаметов С. Ложь и правда русской истории / С. Бамухаметов. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 669 с.

REFERENCES

1. Assman A. Oblivion of history – obsession with history. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 552 p. (In Russ.).
2. Handlin O. Truth in history. New Jersey, Transaction Publishers, 1981. 437 p.
3. Ricoeur P. History and truth. Evanston, Northwestern University Press, 1965. 333 p.
4. Behan McCullagh C. The truth of history. London, NY, Routledge, 1998. 327 p.
5. Ankersmit F. Meaning, Truth, and Reference in Historical Representation. *Ithaca*, NY-London, Cornell University Press, 2012. 280 p.
6. Spence D.P. Narrative Truth and Historical Truth: Meaning and Interpretation in Psychoanalysis. NY: W.W. Norton, 1984. 320 p.
7. Spitzer A.B. Historical Truth and Lies About the Past: Reflections on Dewey, Dreyfus, de Man, and Reagan. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2009. 174 p.
8. Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the truth about history. NY, W.W. Norton and Company, 2011. 336 p.

9. Guts A. K. The myth about freedom of restore the historical truth // *Matematicheskie struktury i modelirovaniye = Mathematical Structures and Modeling*, 1998, iss. 1, pp. 4-12. (In Russ.).
10. Borisov V. A., Sinyutin S. S. Falsification of historical truth in the year of the 70th anniversary of the Great Victory. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = RUDN Journal of Russian History*, 2015, no. 4, pp. 155-163. (In Russ.).
11. Boyarshinova I. M. Historical truth about the World War II as a factor in the formation of the worldview of modern youth. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, 2016, no. 5, pp. 25-30. (In Russ.).
12. Chechel I. D. Notes on historical truth. "Stalinism", in: Zdravomyslova O.M. (ed.). Gorbachev's readings: Problems of foreign policy of M. S. Gorbachev. Perestroika as an experience of overcoming totalitarianism: conclusions for the future. Moscow, Gorbachev Foundation, 2003. P. 185-195. (In Russ.).
13. Olshevskiy V.G. Everyday life as a criterion for the completeness of historical truth: to assess the greatness of the "Red October" according to the Hamburg score. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki*, 2017, no. 6, pp. 609-627. (In Russ.).
14. Nifontov A.V. The abdication of Emperor Nicholas II: from mythology to historical truth or new myths, in: Belov A.M., Novikov A.V (eds.). *Romanov readings. Center and province in the system of Russian statehood*. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2009. P. 317-328. (In Russ.).
15. Stykalin A. S. Hungarian crisis of 1956 in historical retrospect. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2016. 720 p. (In Russ.).
16. Bamukhametov S. The lie and truth of Russian history. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2005. 669 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Астафичев Павел Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургский университет МВД России 198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1
E-mail: pavel-astafichev@rambler.ru
SPIN-код РИНЦ: 5244-2610; AuthorID: 263630

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pavel A. Astafichev – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Constitutional and International Law
St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia
1, Letchika Pilyutova ul., St. Petersburg, 198206, Russia
E-mail: pavel-astafichev@rambler.ru
RSCI SPIN-code: 5244-2610; AuthorID: 263630

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Астафичев П.А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России / П.А. Астафичев // *Правоприменение*. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 5–11. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).5-11.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Astafichev P.A. Ensuring the protection of historical truth as a new principle of contemporary Russian constitutional law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 5–11. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).5-11. (In Russ.).